

Марк Постер

Кибердемократия: Интернет и публичная сфера¹

*Я – реклама версии себя.
(Дэвид Берн)*

Децентрализованная технология

Особенности постмодерной ситуации в политике легче поддаются объяснению, если обратиться к старой проблеме технологического детерминизма. В этой связи примечательна роль Интернета, который, являясь прежде всего в корне децентрализованной системой коммуникации, действуя как сеть сетей, подрывает наши представления о характере политики и о роли технологии в целом. Появлению на свет этой уникальной структуры способствовало слияние интересов социокультурных агентов, имеющих между собой так мало общего: министерства обороны США периода холодной войны, целью которого было обеспечение выживания в результате ядерной атаки путем децентрализации военного управления, этоса сообщества инженеров-компьютерщиков, не приемлющих любые формы цензуры, и университетских исследовательских практик. Если информация в “сети” неограниченно воспроизводится, немедленно распространяется и радикально децентрализуется, то как это может повлиять на общество, культуру и политические институты?

Существует только один ответ на данный вопрос и он заключается в том, что сама его постановка неверна. В общем смысле технологическая сторона жизни общества определяется как конфигурация одних материалов, воздействующих на другие материалы. При этом технология оказывается чем-то внешним по отношению к человеку, а роль человека заключается в том, чтобы манипулировать материалами, исходя из своих собственных предзаданных и субъективных целей. Однако Интернет устанавливает новый режим отношений между человеческим и вещным миром, а также между материальным и нематериальным, перестраивая отношение технологии и культуры. “Сеть” влияет на дематериализацию коммуникации и, что важно, трансформирует субъективную позицию индивидов, вовлеченных в нее.

Сводить Интернет лишь к эффективному “инструменту” коммуникации ошибочно. “Сеть” порождает новые формы взаимодействия людей, в результате чего возникают и новые проблемы относительно распределения

¹ Реферативное изложение А.Яцык по: Poster, M. ‘CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere’, in Hartley, J., Pearson, R.E. (eds.) *American Cultural Studies: A Reader*, Oxford University Press, 2000, pp. 402–413.

власти между ее участниками. А это в свою очередь приводит к переосмыслению понятий публичной сферы и демократии.

Если Интернет представляет собой некую публичную сферу, то кто и как взаимодействует в ней? Какой предстает политика в этом пространстве, в отсутствие взаимодействия “лицом к лицу”? Вообще, насколько применим в данном случае термин “сообщество” и что есть феномен кибердемократии?

Интернет как публичная сфера?

В прошлом агора, деревенская церковь, таверна, публичная площадь и даже угол улицы выступали публичными аренами, местами, где разворачивались политические дискуссии и действия.

Медиа, и особенно телевидение, подчинили себе старые пространства политики. Они не только “опосредовали” прошлое взаимодействие “лицом к лицу”, но и выступили в качестве самостоятельного публичного образования: «Телевидение, популярные газеты, журналы и фотографии... есть публичные сферы, места, где публичное создается и существует»¹. При этом по мере замены знаковой дискурсивности имиджем “публичное” все больше превращается в “паблисити” [рекламу – прим. ред.]².

Юрген Хабермас по-своему отслеживает эти трансформации: по его мнению, индивиды в рамках публичной сферы путем выдвижения рациональных аргументов и опровержений приходят к определенному прагматическому согласию, к победе критического разума над инструментальным, что должно рассматриваться как важнейшее достижение демократии. Позднее эта идея была подвергнута критике со стороны постструктуралистов, в частности Лиотара, не верившего в идеал рационального субъекта как основы демократии. В свою очередь феминисты указывали на “гердерную слепоту” хабермасовского анализа.

Свое завершение понятие публичной сферы получило в работе Риты Фельски, объединившей феминистские и постструктуралистские подходы к критике автономного субъекта³. С ее точки зрения, публичная сфера строится на “опыте политического протеста” (О.Негт и А.Клюге⁴), а также отражает множественность субъектов (постструктурализм) и гендерные различия (феминизм). Хотя Фельски критически пересмотрела хабермасовское понятие публичной сферы, лишив его всяческих буржуазных, ло

¹ Hartley, J. *The Politics of Pictures: The Creation of the Public in the Age of Popular Media*, New York: Routledge, 1992, p. 1

² Virilio, P. *The Vision Machine*, trans. Julie Rose, Bloomington: Indiana University Press, 1994, p. 64

³ См.: Felski, R. *Beyond Feminist Aesthetics: Feminist Literature and Social Change*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.

⁴ См.: Negt, O. Kluge, A. *Public Sphere and Experience: Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

гоцентристских и патриархальных коннотаций, она осталась в рамках “старой” традиции разделения “публичного” и “частного”, сводя “политическое” именно к “публичному”. Но подобная модель не работает в отношении Интернета.

Джудит Перрол обращается к концепции Ю.Хабермаса в рамках анализа разговоров на так называемых “досках объявлений” и находит, что в данном случае отсутствует “идеальная речевая ситуация”. Она утверждает, что “разговоры в сети” искажены на уровне машинного контроля, когда «...осмысленность, истина, искренность и уместность... проявляются как физические или логические характеристики машины, ...а не как результат человеческих отношений»¹. Основные условия речи конфигурируются в программе виртуального сообщества и остаются незатронутыми самой дискуссией. Перрол утверждает, что «...дизайн большинства компьютерных интерфейсов не приспособлен для проверки верности данных, или же он разработан так, что факты могут быть подменены в зависимости от степени мастерства пользователя»².

Если сегодня машины способны на создание новых форм децентрализованного диалога, различных комбинаций взаимодействия “человек-машина” и на поддержку новых политических образований, то каковы условия развития демократического общения в новой информационной среде? Что сегодня следует понимать под публичным, если публичные имиджи (в режиме реального времени) оказываются более важными, чем само публичное пространство³?

Если технологическое обновление медиа рассматривать как угрозу демократии, то возникает вопрос, каким образом должна относиться к этому теория медиа; это, в свою очередь, связано с проблемами децентрализации демократического дискурса с помощью новых информационных технологий и угрозой стабильности государства (с точки зрения утраты последним контроля над приватно-публичной информацией), с подрывом основ частной собственности (из-за неограниченного воспроизводства информации) и пренебрежением правилами общественной морали (в случае с распространением порнографии).

Постмодерная технология?

Многие области Интернета расширяют границы заданных идентичностей и институтов. В сетевых новостных группах есть место новым шалостям подростков, базы данных позволяют исследователям и корпорациям получать информацию по низким ценам, электронная почта удобна своей

¹ Perrolle, J. ‘Conversations and Trust in Computer Interfaces’, in Dunlop, C., Klind, R. (eds.) *Computerization and Controversy*, New York: Academic Press, 1991, p. 351

² *Ibid.*, p. 354

³ Virilio, P. ‘The Third Interval: A Critical Transition’, in Conley, V. (ed.) *The Thinking Technologies*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993, p. 9

скоростью и надежностью, переводение образов в цифровые форматы позволяет широко распространять эротические материалы и т.п. Таким образом, восприятие Интернета как эффективного инструмента вполне укладывается в современные представления. Однако отношение к нему в рамках современной теории не столь просто, будучи связано с новым пониманием технологии и, в конечном счете, – с переосмыслением политического аспекта Интернета. При этом в первую очередь имеются в виду так называемые “виртуальные сообщества”, а также синтез технологий виртуальной реальности и Интернета. В этих случаях упор делается на процесс конструирования идентичности через коммуникативные практики. Осуществляя обмен электронными сообщениями, индивиды как бы изобретают себя. Представление себя в коммуникации требует лингвистического акта самопозиционирования, который менее выражен в случае с чтением романа или просмотром телевизионной рекламы. Посредством Интернета индивиды интерпретируют сообщения от себя и к себе, таким образом формируя и передавая различные смыслы. Не стоит, однако, впадать в иллюзию становления некой универсальной, “активной” речи, поскольку она возможна на основе идентичности как некой фиксированной досоциальной и долингвистической сущности, в то время как Интернет-дискурс предполагает не идентичности, а субъективные режимы конкретного человека. В Интернете индивиды конструируют свои идентичности в режиме непосредственно происходящего диалога, а не в акте чистого сознания. Такая деятельность не может считаться свободой в либерально-марксистском смысле, потому что она не обращает нас к основам субъектности. В целом дискурс Интернета не ограничен конкретной адресностью, гендером или этничностью, что характерно для коммуникации лицом к лицу. Магия Интернета заключается в том, что эта технология полагает возможными культурные действия, символизацию во всех формах и всеми участниками; она радикально децентрализует позиции речи, печати, производства фильмов, теле- и радиовещания, то есть меняет природу культурного производства.

Гендер и виртуальные сообщества

Одной из характерных особенностей “сети” является уникальная возможность самопрезентации индивида, конструирование собственной идентичности. В отличие от “реальной жизни”, где идентичность задана рождением или статусом, процесс ее конструирования в виртуальной реальности возможен самим субъектом, что происходит в рамках лингвистической коммуникации.

Наиболее ярко этот тезис характеризует случай “гендера” в Интернете. Идентичность в виртуальном сообществе должна быть представлена как минимум именем и полом. И если в “реальной жизни” основной характеристикой идентичности также является этничность, то в Интернет-сообществах главенствующая роль отводится гендеру. Гендерное тело во

площадется с помощью гендерного текста, им же и ограничиваясь (хотя, конечно, существуют эмодзи или “смайлики”, призванные изображать эмоции – ☺). Исследования разговоров на “досках объявлений” показали, что отсутствие телесного компонента в гендере не исключает стратегий сексизма или даже определенной гендерной иерархизации. Недостатки женского бытия в “реальной жизни” переносятся и в виртуальную среду: женщины подавляются также и в электронном пространстве, подвергаясь различным формам сексуального унижения и оскорбления. Но фактом остается и то, что гендерные проблемы реальной жизни получают новое наполнение в киберпространстве.

В этой связи интересен случай “Джоан”. Мужчина по имени Алекс представлялся на “досках объявлений” женщиной-инвалидом Джоан. Он “забрел” в виртуальное сообщество, потому что хотел поболтать с женщинами как женщина, но не мог сделать этого в реальной жизни, будучи ограничен маскулинной идентичностью. Когда его “хитрость” была раскрыта, многие женщины, общавшиеся с ним, испытали глубокое разочарование. Они были обижены этим подлогом, в то же время сожалея о “смерти” виртуальной подруги. Такое уникальное использование коммуникации нелегко найти в реальной жизни, жестко сексистски структурированной и иерархизированной. В некоторых аспектах Интернет все же не разрушает существующую гендерную систему: например, при электронной переписке, когда оба индивида знают друг друга (хотя и здесь можно найти некоторые отличия в самопрезентации, протекающей более спонтанно и менее сдержанно).

В Интернете мы обнаруживаем целый спектр возможностей современного конструирования идентичности. Существует фиксированная идентичность (в электронной почте), есть “изобретаемая” идентичность (в случае с простыми диалогами в Internet Relay Chat), наконец, можно говорить об идентичности изобретаемой и предметно-ориентированной в рамках виртуальных сообществ на основе “пространств для множественных пользователей” (типа MUD – Multi-User Dimensions). Последние представляют собой сообщества сетевых игроков, как регулярных так и нерегулярных, которые уже проявляют определенные признаки иерархизации. “Регулярные”, “квалифицированные” члены при этом отделяются от “гостей”, которые в результате обладания “временным” статусом получают меньше привилегий в управлении командами и т.д. Таким образом, в киберпространстве также существует асимметрия, которую можно назвать “политическим неравенством”, однако она в гораздо меньшей степени подвержена дискриминации по расе, возрасту, статусу и гендеру, нежели в “реальном” мире.

В некотором роде Интернет можно сравнить с хабермасовской публичной сферой. Здесь не выдвигаются претензии на истинность и на существование критического разума, однако при этом происходит рождение но

вых неких самоорганизующихся форм, новых публичных арен. С развитием видео- и аудио-поддержки систем общения, в основном пока строящихся на тексте, такая виртуальная реальность может еще серьезнее заявить о себе, а жалобы на то, что “электронные деревни” суть не более, чем эскапизм белых недообразованных мужчин, уже не будут казаться убедительными.

Киборг-политика

На примере деконструкции гендера в Интернет-сообществах можно судить о том, насколько серьезными могут быть последствия теории политики относительно типов функционирования информации. Интернет, “окутанный” “оцифрованным” языком, опосредованный машинными обозначениями “пространства без тел”, предлагает политической теории беспрецедентный предмет исследования. Как отразится опыт самоорганизации виртуальных сообществ на традиционной политической арене? Каким образом властные отношения в Интернете сочетаются с таковыми в пределах других систем коммуникации и влияют на них? Каково место кибердемократии в современной политике и возможности постмодерной политики, если предположить что правительство США и корпорации не станут формировать сетевое пространство по своему образу и подобию?

Изменчивый, гибкий статус индивида в Интернете ведет к переменам в природе политического авторитета. В эпоху Средневековья авторитет был наследственным, в эпоху модерна – основанным на народном мандате на основе голосования. И то, и другое сопровождалось определенной аурой, что становится проблематичным в эпоху Интернета. Термин “демократия” говорит о суверенитете телесно воплощенных индивидов, определяющих, кто должен ими руководить. В нынешней же ситуации вероятно потребуются некий новый термин, указывающий на новые отношения между лидерами и ведомыми в условиях киберпространства и на основе мобильной идентичности.

Крис Баркер

Глобализация и культурная идентичность¹

Понятие глобализации

Согласно Робертсону², под глобализацией прежде всего понимаются две вещи: пространственно-временное сжатие мира и ощущение последнего в качестве единого целого. Термином “пространственно-временное сжа

¹ Реферативное изложение М.Руденко по: Barker, C. *Television, Globalization and Cultural Identities*, Open University Press, 1999, pp. 34–43.

² См.: Robertson, R. *Globalization*, Newbury Park, CA and London: Sage, 1992.